

Предисловие

Автор прекрасно сознает все недостатки этой скромной истории, многие из которых представляются неизбежными, поскольку в свет она выходила отдельными выпусками. Однако, памятуя, что эксперимент дядюшки Алека ставился, чтобы порадовать детишек, а не чтобы предложить старшему поколению толковые методы воспитания, автор склонна полагать, что друзья кузины и кузенки не обратят на эти недочеты особого внимания, она же постарается все исправить во втором томе, где будет предпринята попытка показать Розу в цвету.

Л. М. О.

Глава первая

ДВЕ ДЕВОЧКИ

Роза сидела в одиночестве в просторной парадной гостиной, носовой платочек разложен, чтобы поймать первую капельку, — она погрузилась в размышления о своих невзгодах, так что слезы вот-вот хлынут рекой. В эту комнату она ушла, потому что здесь несчастье переживалось немного легче: полутьма, тишина, старинная мебель, тяжелые шторы, на стенах портреты величавых пожилых джентльменов в париках, остроносых дам в пышных капорах и замерших детишек в маленьких фраках или отрезных платьицах. Отличное место, чтобы погоревать, а весенний дождь, время от времени начинавший стучать в окно, будто бы всхлипывал: «Давай же поплачем вместе».

У Розы были все основания для печали: она давно лишилась матери, а недавно еще и отца, единственным ее пристанищем был теперь дом двоюродных бабушек. Она провела у них всего лишь неделю, и хотя славные пожилые дамы делали все, чтобы ее порадовать, получалось у них это скверно, потому что Роза не походила ни на одного ребенка из тех, что им доводилось привечать раньше,

и у них складывалось впечатление, что им поручили заботу о впавшей в тоску бабочке.

Розе предоставили полную свободу, и день-другой она забавлялась тем, что лазила по всем укромным уголкам огромного старинного поместья, где тут и там попадались петлистые закоулки, очаровательные комнатки и таинственные коридоры. В самых неожиданных местах обнаруживались окна, над садом нависали романтические балкончики, а в длинном зале на верхнем этаже красовались диковинки со всего мира; дело в том, что в роду у Кэмпбеллов было много поколений капитанов дальнего плавания.

Бабушка Изобилия (она же Биби) даже позволила Розе порыться в тайнике с пряностями у себя в буфете — там было полно «лакомств», которые так любят дети; но Розу совсем не прельстили эти изысканные искушения; когда и этот план провалился, у бабушки Биби окончательно опустились руки.

Мягкосердечная бабушка Мира испробовала всевозможные виды изящного рукоделия и решилашить кукле туалетов, перед которыми не устояла бы и девочка постарше. Но Розу совсем не занимали шляпки из розового атласа и крошечные чулочки, хотя она послушно сидела за шитьем, пока бабушка не заметила, что она утирает слезы подолом очередного подвенечного платья, — и это открытие положило конец упражнениям с иглой и ниткой.

Тогда старые дамы решили, что одна голова — хорошо, а две лучше, и совместно подыскали по соседству идеальное дитя, а потом пригласили его

прийти поиграть с их внучкой. Но Ариадна Блиш стала самым сокрушительным их провалом: Роза видеть ее не желала и даже заявила, что это не девочка, а восковая кукла: хочется ее ущипнуть и проверить, взвизгнет или нет. Тогда чопорную маленькую Ариадну отправили восвояси, а бабушки, обессилев, на день-другой предоставили Розу самой себе.

Из-за холода и дурной погоды Розе пришлось сидеть дома, и она почти не выходила из библиотеки, куда сложили книги ее отца. Она много читала, немного плакала, а в голове у нее роились те яркие и невинные грезы, которые приносят утешение и радость всем детям, одаренным недюжинным воображением. Такое времяпрепровождение устраивало ее больше любого другого, однако его нельзя было назвать здоровым: Роза стала бледной и вялой, взгляд потускнел, хотя бабушка Изобилия так усердно пичкала ее железом, что едва не превратила в кухонную плиту, а бабушка Мира ласкала ее, точно пуделя.

В свете всего этого бедные бабушки вновь пораскинули мозгами и решили пойти ва-банк, хотя и сомневались в успехе своего предприятия. Розе они ничего не сказали о том, что замыслили на середину субботнего дня, напротив, оставили ее в покое до того самого момента, когда пришло время предъявить грандиозный сюрприз; им и в голову не приходило, что этого странного ребенка можно порадовать совершенно неожиданными вещами.

Роза не успела выжать из себя ни единой слезинки — тишину нарушил какой-то звук, и она

тотчас наострила ушки. Речь шла всего лишь о негромком птичьем щебете, вот только птичка оказалась необычайно одаренная, потому что тихое щебетанье почти сразу сменилось оживленным пошвыстываньем, за ним последовали трель, воркование, чириканье, а потом все эти нотки слились в музыкальное единство, как будто птичка залилась смехом. Засмеялась и Роза и, позабыв о своих горестях, вскочила.

— Пересмешник! — воскликнула она с восторгом. — Но где он?

Она пробежала по длинному залу, выглянула в обе двери, но не обнаружила там никого пернатого, за исключением измызганных цыплят под лопухами. Роза вслушалась: похоже, звук все-таки шел из дома. Она помчалась дальше, крайне возбужденная этой охотой; переменчивая песня привела ее к двери буфетной.

— Она там? Как забавно! — воскликнула Роза.

Однако в буфетной никакой птички не оказалось, лишь ласточки сливались в вечном поцелуе на кантонском фарфоре, расставленном по полкам. Тут лицо Розы озарилось радостью, она тихонько отодвинула панель на стене и заглянула в кухню. Музыка мгновенно смолкла, и Роза увидела всего лишь девочку в синем переднике, которая отмывала очаг. Порассматривав ее с минуту, Роза решительно осведомилась:

— Ты слышала пересмешника?

— Я бы его скорее назвала мурисмешником, — ответила девочка, подняв голову, и ее черные глаза сверкнули.

— А куда он улетел?

— Он здесь.

— Где?

— У меня в горле. Хотите послушать?

— Еще как! Давай я зайду. — И Роза влезла через отверстие в стене на широкую кухонную полку — она была слишком возбуждена и озадачена, чтобы бежать к двери.

Девочка вытерла руки, встала, скрестив ноги, на островке ковра, окруженного целым морем мыльных пузырей, и из ее горлышка полились трели ласточки, посвист малиновки, стрекотание сойки, щебет дрозда, воркование лесного голубя и множество других знакомых мелодий — и все они, как и раньше, завершились пронзительной арией боболки, который поет, покачиваясь на стебле луговой травы, в погожий июньский день.

Роза от изумления едва не свалилась с полки, а когда короткий концерт завершился, она восторженно захлопала в ладоши:

— Ах, как изумительно! А кто тебя такому научил?

— Птицы, — ответила, улыбнувшись, девочка и снова взялась за работу.

— Просто невероятно мило! Я тоже умею петь, но совсем не так прекрасно. А как, скажи, пожалуйста, тебя зовут?

— Фиби Мур.

— А, так вот почему ты называешь себя мури-смешником! — хихикнула Роза, а потом добавила, с интересом разглядывая мазки мыльного раствора на кирпичках: — А можно, я останусь и посмотрю, как ты работаешь? В гостиной очень тоскливо.

— Ну, давайте, если хочется, — ответила Фиби, умелым движением отжимая тряпку — Розу это очень впечатлило.

— Весело, наверное, плескаться в воде и разводить в ней мыло. Я б с удовольствием попробовала, но, боюсь, бабушке это не понравится, — сказала Роза, которую очень увлекло это занятие.

— Вы быстро устанете, так что не пачкайтесь, просто смотрите.

— Ты, наверное, много помогаешь своей маме.

— Нет у меня никого из родни.

— Да? А где же ты тогда живешь?

— Надеюсь, что буду жить здесь. Дебби нужна помощница, вот меня и взяли на неделю на испытание.

— Хорошо бы ты у нас осталась! Тут так скучно, — сказала Роза, успевшая проникнуться самыми лучшими чувствами к этой девочке, которая поет, как птица и работает, как взрослая.

— Да, хорошо бы; мне уже пятнадцать лет, я достаточно взрослая, чтобы на себя зарабатывать. А вы ведь сюда ненадолго приехали? — спросила Фиби, разглядывая свою гостью и пытаясь понять, о какой скуке может идти речь, если у тебя есть шелковое платье, фартучек весь в рюшах, миленький медальончик и бархатная повязка на волосах.

— Я тут пробуду до приезда дяди. Он теперь мой опекун, я не знаю, как он со мной поступит. А у тебя есть опекун?

— Ну да, скажете тоже! Меня младенцем оставили на ступеньках рабочего дома, но я пригляну-

лась мисс Роджерс, и она взяла меня к себе. Но ее больше нет, придется мне жить своим умом.

— Как интересно! Ты прямо как Арабелла Монтомгери из «Цыганочки»¹. Ты читала эту милую книжку? — спросила Роза, которая очень любила истории про найденышей и перечитала их целую кучу.

— Нет у меня книг, чтобы читать, а если выдастся свободная минутка, я бегу в лес; там люблю отдыхать, а не за всякими историями, — ответила Фиби, закончив одно дело и принимаясь за другое.

Роза смотрела, как она достает большую миску с фасолью, которую нужно перебрать, и гадала, каково это — жизнь в труде и без развлечений. Но тут Фиби, видимо, решила, что настал ее черед задавать вопросы, и не без зависти поинтересовалась:

— Вы ведь, наверное, много учились в школе, да?

— Ой, и не говори! Почти год провела в пансионе, и все эти уроки меня едва не доконали. Чем больше я выполняла заданий, тем больше мисс Властер давала мне новых, и мне там было так плохо, что я чуть глаза себе не выплакала. А вот папа никогда не заставлял делать ничего трудного, и с ним заниматься было так приятно, что я даже полюбила учебу. Ах, как мы были счастливы, как любили друг друга! Но его больше нет, так что теперь я совсем одна.

¹ Речь идет о серии книг для воскресной школы «Цыганочка Брейнтон» («Gypsy Breynton») американской писательницы Элизабет Стюарт Феллис Уорд (1844–1911). — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Слезинка, которую раньше Розе так и не удалось выжать, теперь по собственной воле скатилась по щеке, а за ней и вторая — они смогли рассказать историю любви и горя куда красноречивее, чем любые слова.

Целую минуту в кухне стояла тишина, слышались лишь всхлипы маленькой сиротки и сочувственный перестук дождя по крыше. Фиби перестала пересыпать фасоль из одной миски в другую, и глаза ее наполнились жалостью: она разглядывала курчавую головку, склоненную на колени, и видела, что сердечко, бьющееся под миленьким медальоном, болит от утраты, а изящным фартучком вытирают горькие слезы — ей таких не доводилось проливать.

И ей почему-то милее показались собственное ее коленкоровое платьице и синий полосатый передник; зависть уступила место состраданию; если бы она решилась, она подошла бы к своей опечаленной гостье и крепко бы ее обняла.

Но Фиби подумала: а вдруг это сочтут неуместным, и бодрым голосом произнесла:

— Ну, вы вовсе не так уж одиноки, у вас столько родни, да еще все они такие умные и богатые. Дебби говорит, вас так уж балуют-разбалуют, потому что вы единственная девочка в семье.

В ответ на последние слова Фиби Роза невольно улыбнулась сквозь слезы и, оторвав от фартучка просветлевшее лицо, с комическим сокрушением произнесла:

— В этом одна из главных моих бед! У меня шесть бабушек и тетушек, каждая хочет забрать

меня к себе, а я всех их плохо знаю. Папа называл этот дом Женевейником, и теперь я поняла почему.

Фиби тоже засмеялась, а потом ободряюще заметила:

— Его все так называют, и название очень правильное, потому что все миссис Кэмпбелл живут неподалеку и часто навещают пожилых дам.

— Бабушек-то все же можно терпеть, но у меня еще куча двоюродных братьев, и все они — противные мальчишки, я мальчишек вообще терпеть не могу! Некоторые в среду приезжали в гости, но я осталась в постели, а когда бабушка пришла позвать меня вниз, я залезла под одеяло и притворилась, что сплю. Рано или поздно придется с ними увидеться, но я так этого боюсь!

И Роза вздрогнула, потому что до того жила в уединении со своим больным отцом, ничего не знала про мальчишек и считала их страшной породой диких зверей.

— Да ну! Наверняка они вам понравятся. Я-то их иногда вижу, как они примчатся с Мыса — бывает, что на лодках, бывает, верхом. Если вам нравятся лодки и лошади, вам с ними будет весело.

— А вот и не нравятся! Лошадей я боюсь, на лодках меня укачивает, а мальчишек я ненавижу!

Бедняжка Роза заломила руки при мысли о своем страшном будущем. С одним из всех этих ужасов она еще как-нибудь бы справилась, но в совокупности они явно были ей не по силам, она даже призадумалась, не уехать ли поскорее назад в ненавистную школу.

Фиби расхохоталась в ответ, да так, что фасолины в миске заплясали, но потом попыталась

утешить Розу, предложив разумный выход из положения:

— А может, дядя увезет вас в такое место, где нет мальчишек. Дебби говорит, он ужас какой добрый — когда приезжает, всегда привозит целые охапки подарков.

— Конечно, но в этом-то еще одна беда: я совсем не знаю дядюшку Алека. К нам он почти не приезжал, хотя часто присылал мне всякие чудные вещицы. А теперь я в его власти, и ничего мне с этим не поделать до достижения восемнадцати лет. А вдруг он мне совсем не понравится? Я очень из-за этого переживаю.

— Ну, я бы на вашем месте не переживала раньше времени, а радовалась жизни. Про себя точно могу сказать: уж я-то бы не стала кукситься, будь у меня родня, деньги и никаких других занятий, кроме как радоваться жизни... — начала было Фиби, но тут же прервалась, потому что снаружи поднялся такой кавардак, что обе девочки подскочили.

— Гром, — определила Фиби.

— Цирк! — воскликнула Роза, которая со своего возвышения заметила ярко раскрашенную повозку и нескольких пони с развевающимися хвостами и гривами.

Грохот стих, и девочки хотели было продолжить свою душевную беседу, но тут вошла старенькая Дебби, сонная и сердитая, — она явно ложилась отдохнуть.

— Вас зовут в гостиную, мисс Роза.

— Кто-то приехал?

— Негоже маленьким девочкам задавать вопросы; гоже делать то, что им велено. — Вот и все, чего удалось от Дебби добиться.

— Будем надеяться, это не тетушка Сара: я всякий раз так пугаюсь, когда она начинает расспрашивать, не усилился ли у меня кашель, и стонать надо мной так, будто я вот-вот скончаюсь, — сказала Роза, которая собралась удалиться тем же путем, которым пришла, потому что отверстие, рассчитанное на блюда с пышной рождественской индейкой и пудингом, было достаточно велико для худенькой девочки.

— Погодите, увидите, кто приехал, — еще пожалее, что это не тетушка Сара. И чтоб я больше не видела, что вы лазаете ко мне на кухню через эту дырку, — в котел посажу под крышку! — проворчала Дебби, которая считала своим долгом воспитывать всех встречных детей при каждом удобном случае.

Глава вторая

КЛАН

Роза со всей мыслимой поспешностью улизнула в буфетную и там, чтобы отвести душу, скорчила Дебби несколько рож; при этом она оправляла свой туалет и собиралась с духом. Покончив с этим, она тихонько прокралась по коридору и заглянула в гостиную. Никого, и тишина такая, что сразу ясно: общество собралось наверху. Тогда она решительно шагнула через полуоткрытую двустворчатую дверь наружу — и едва не ахнула от открывшегося ей там зрелища.

Семеро мальчишек выстроились в ряд: разного возраста и роста, все белобрысые и голубоглазые, все в шотландских костюмах; все они разом улыбнулись, кивнули и в один голос произнесли:

— Как жизнь, кузина?

Роза тихонько пискнула и начала дико озираться, готовая пуститься наутек, потому что у страха глаза велики и ей показалось, что в комнате целая орава мальчишек, а не семь. Но сбежать она не успела — самый высокий вышел из ряда и вежливо произнес:

— Не пугайся. Клан явился выразить тебе свое почтение; я — Арчи, Вождь Клана; к твоим услугам.

Он протянул ей руку, и Роза робко вложила свою ладошку в смуглую лапицу, которая тут же поглотила кусочек белизны, да так и не отпустила, пока Вождь не закончил свою речь.

— Мы при полном параде, как у нас и принято по торжественным случаям. Надеюсь, тебе понравилось. Давай расскажу, кто есть кто, оно так положено для порядка. Этот здоровый — Принц Чарли, сын тети Клары. Он у нее один, поэтому самого высшего качества. Вот этот старина — Мак, книжный червь, мы его Червем и прозвали для краткости. Вот этот красавчик — Денди Стив. Обрати особое внимание на его перчатки и прическу с хохлом. Они сыновья тети Джейн, и уверяю тебя, парочка что надо. Это Крысятки, мои братья Джорди и Уилл, а это Мелкий Джейми. Ну, ребята, давайте похвастайтесь хорошими манерами.

После этого распоряжения Розе, к величайшему ее испугу, протянули еще шесть рук — явно ожидая, что она все их пожмет. Для застенчивой девочки то был нелегкий миг; однако, вспомнив, что перед ней родственники, явившиеся ее поприветствовать, она попыталась ответить им по мере сил сердечно.

Когда торжественная церемония завершилась, весь Клан брызнул врассыпную, и обе комнаты, казалось, заполнились мальчишками. Роза поспешно вжалась в большое кресло — там она и сидела, разглядывая пришельцев и гадая, когда появится бабушка и ее спасет.

Памятуя, как положено себя вести воспитанным мужчинам, каждый из мальчишек не забывал, бродя по комнате, приостановиться перед ее креслом, бросить короткую фразу, получить еще более

краткий ответ — после этого можно было облегченно вздохнуть и двигаться дальше.

Первым подошел Арчи и, перевесившись через спинку кресла, заметил отеческим тоном:

— Рад твоему приезду, кузина. Надеюсь, в Женевейнике тебе будет весело.

— Надеюсь.

Мак отбросил волосы, свисавшие на глаза, споткнулся о табуретку и без обиняков осведомился:

— А ты книги с собой привезла?

— Четыре полные коробки. Они в библиотеке.

Мак тут же испарился из комнаты, а Стив, встав в эффектную позу, подчеркивавшую элегантность его наряда, с любезной улыбкой произнес:

— Мы очень расстроились, что не смогли с тобой познакомиться в среду. Надеюсь, твоя простуда проходит.

— Да, благодарю. — Роза вспомнила, как спряталась под одеялом, и в уголках ее рта затеплилась легкая улыбка.

Сообразив, что сумел отличиться перед дамой, Стив зашагал прочь, выше прежнего задрал голову, а с другого конца комнаты прискакал Принц Чарли и произнес непринужденно:

— Маман просила передать тебе свой привет, она надеется, что ты поправишься и сможешь на следующей неделе приехать к нам на целый день. Тебе, такой маленькой, здесь, наверное, невыносимо скучно.

— Мне тринадцать с половиной лет, я просто с виду маленькая! — возмутилась Роза, забыв от гнева о смущении, — она очень гордилась тем, что возраст ее перевалил за десять.

— Прошу прощения, мэ; никогда бы не догадался. — И Чарли, хихикнув, ускакал прочь, довольный тем, что вывел тихую кухню из ступора.

Джорди и Уилл явились вдвоем, два крепыша одиннадцати и двенадцати лет, и, устремив на Розу свои круглые голубые глаза, выпалили каждый по вопросу, как будто пришли в тир, а она была мишенью:

— Ты привезла свою обезьянку?

— Нет, она умерла.

— А у тебя будет лодка?

— Надеюсь, нет.

Оба с военной четкостью выполнили команду: «Кругом!» — и зашагали прочь; после этого малыш Джейми с детской прямоотой поинтересовался:

— А ты мне что-нибудь вкусное привезла?

— Да, кучу конфет, — ответила Роза, после чего Джейми вскарабкался к ней на колени, звучно чмокнул в щеку и заявил, что очень ее любит.

Розу его поступок сильно всполошил, потому что остальные тут же расхохотались; от смущения она поспешила обратиться к юному узурпатору с вопросом:

— А ты видел, что цирк приехал?

— Как? Когда? — тут же завопили, придя в сильнейшее волнение, все мальчишки.

— Перед самым вашим появлением. Ну, вернее, я подумала, что это цирк: красно-черная повозка, и такие маленькие пони, и...

Продолжить ей не удалось — дружный вопль заставил ее замолчать, а Арчи, подавив смех, попытался пояснить ей соль шутки:

— Это наша новая повозка и шетландские пони. Тебя теперь задразнят за этот цирк, кухня.